

Провинция и великие «малые» города

У нас есть планы экономического развития, планы выхода из экономического кризиса, но нет даже предложений создать план выхода из культурного кризиса, из той культурной отсталости, в которой очутилась наша страна за последние 82 года, вернее за 85, так как развитие культуры остановилось не в 1917 г., а в 1914 г. — с момента начала первой мировой войны. Однако первые десятилетия (со времени Октябрьской революции) были эпохой войны с культурой, с интеллигенцией, со свободой творчества, мысли, с культурой общения. Страна оказалась в плену у догматического террора. Сейчас в этой войне как бы перемирие и застой. Нет ощутимой войны против культуры, но нет и признаков выхода из тупика. В культуре же не может быть остановок. Остановка в культурной жизни — это упадок, упадок, который будет все нарастать и приведет нашу страну в разряд третьестепенных цивилизаций, если его не остановить. Культура станет только воспоминанием о прошлом, и то в меру его доступности будущему. Ведь чтобы понять культуру прошлого, надо самим иметь определенный уровень в настоящем. Нам грозит культурное одичание и ощущение своего одиночества в стране, обладавшей одной из самых великих культур мира.

Прежде всего надо спасать культуру провинции. В Древней Руси, в XVIII, XIX и начале XX вв. именно провинция держала уровень не только численности населения, но и уровень экономического благополучия, уровень культуры. Вспомним, что большинство талантов и гениев в нашей стране родилось и получило первоначальное образование не в Петербурге, и не в Москве. Эти города только собирали все лучшее, объединяли, способствовали процветанию культуры, но рождала гениев именно провинция.

Следует помнить одну забытую истину: в столицах живет по преимуществу «население», народ же живет в стране, в стране многих сотен городов и сел.

Самое важное, что нужно сделать, возрождая культуру, это вернуть культурную жизнь в наши небольшие города. Уверен, что, возрождая нашу провинцию (это слово вовсе не обидно), мы решим и жилищную проблему в наших больших городах и ряд экономических проблем. Однако в первую очередь надо поддержать малые города: дать им экономические льготы, удешевить в них жизнь, а кроме того, сделать жизнь в них привлекательной. Пусть в них будут любительские хоры, любительские спектакли, клубы врачей или учителей, уютные библиотеки, как своеобразные маленькие культурные центры с постоянно собирающимися читателями, чтобы отметить какую-либо замечательную дату, пусть будут собрания местных коллекционеров, любителей старины, а самое главное, непременно чтобы в каждом маленьком городе или большом селе было свое общество краеведов. Нет городов, в которых не было бы их истории, собственных примечательных событий в прошлом или выдающихся людей. А если к этому прибавится в городе хотя бы кружок любителей природы, то будет решен вопрос и с «малой экологией».

Вообще: как важно вернуться к «структуре небольшого». Из-за увлечения «самыми большими», «самыми мощными», «самыми производительными» и т.д. — мы стали крайне неповоротливы. Мы думали, что создаем самое выгодное и самое передовое, а на самом деле пытались в современном мире создавать технические и культурные монстры, динозавры — такие же неуклюжие, такие же неживучие и такие же быстро и безнадежно устаревающие конструкции, которые теперь уже и модернизировать нельзя.

Между тем малые города, малые селения, малые театры, небольшие образовательные учреждения гораздо легче откликаются на все новые веяния жизни, гораздо охотнее перестраиваются, менее консервативны, не грозят людям грандиозными катастрофами и во всех смыслах легче «подстраиваются» к человеку и к его потребностям.

Итак, малые города — это проблема самая нужная в наше время. Давайте вводить в жизнь все малое и мириться с «самым большим» только в крайних случаях.

Второе, на что нужно обратить внимание, думая о плане развития культуры в нашей стране, — это о необходимости поднимать культуру с ее «гуманитарного конца». Любые технические знания и любая техника не создадут культурных людей. Напротив, облегчая человеку передвижение, труд, и то, что называется «принудительную информацию» по телевидению и радио, техника поощряет пассивность, тогда как искусство и общая гуманитарная культура человека развивают интуицию и инициативу, столь необходимые в творчестве, в изобретательстве, в науке всех ее видов, и позволяет человеку легче осваивать новые профессии. Культурный человек, принадлежа к определенным культурным традициям (национальным, семейным, профессиональным и т.д.), смелее в откликах на все новое, он шире в своем понимании чужого, он имеет больше возможностей освоить новое, он свободнее, и это главное. Культура человека делает окружающий его мир для него интереснее и в конечном счете позволяет ему быть счастливее. Вот почему так важно повышать гуманитарную культуру как основу всякой культуры иного типа.

Техника, экономика, цивилизация в специальном значении этого слова — это все не может быть самоцелью. Культура же сама по себе — цель развития отдельного человека, нации, страны и человечества. Вот почему развитие культуры не должно затрудняться налогами, любыми формами обложения. В пользу чего? В пользу экономического прогресса? Но сама экономика служит культуре!

Я был в Новгороде сразу по его занятии нашими войсками. Немногие жители обитали в немецких землянках, вырытых в земляном валу Новгорода. И раздавались голоса — нет, не большинства, а почти всех: надо сперва выстроить жилые дома, а потом уже заняться восстановлениями и реставрациями. К счастью (редкий случай), начальство оказалось прозорливее «большинства», и в Новгороде стали одновременно восстанавливать его драгоценные памятники и строить новое жилье. Благодаря этому правильному решению Новгород быстро вышел в первый ряд наших городов, ибо культура привлекла к себе талантливых специалистов, а знание истории города позволило в основном сохранить старую планировку, старые масштабы, оказавшиеся наилучшими и для новой городской жизни, восстановить былую красоту.

Каждый наш исторический город обладает своим индивидуальным лицом, красив по-своему. Но красоту нужно разгадывать. Она не дается прямо в руки.

Наши предки, меньше, чем мы, занятые техникой, больше уделяли внимания красоте, понимали ее с «полуслова» и сохраняли столетиями,

Два города в Древней Руси стали центрами ее культуры — Киев и Новгород. Новгород, оказавшийся в XIX веке в стороне от железной дороги, больше сохранился. Отчетливо сохранились и следы его красоты. Это единственный город в Европе, в котором до сих пор существует земляной вал, по которому когда-то шли деревянные укрепления с каменными башнями. И какой вид открывается с этого вала. На некотором расстоянии от Новгорода шло кольцо церквей, частично сохранившееся до сих пор. Позади Красного (т.е. «красивого») поля было видно шествие белых строений: Рюриково городище, Нередица, Кириллов монастырь, Андрей на Ситке, Ковалево, Волотово, Хутын. Именно «шествие», обращенное алтарями на восток, они как бы двигались навстречу солнцу. В самом городе выделялся златоглавый Софийский собор, выше которого не строилась ни одна церковь. Выше строились церкви только за пределами города — Георгиевский собор Юрьева монастыря, Антониев монастырь и Хутын на горушке. Планировка также была продумана, и согласно «закону градскому» нельзя было загораживать вид на озеро и на Волхов. Согласно бытине о Садко в древнейшей ее версии Кирши Данилова, Садко выходит из Кремля и кланяется Ильмень-озеру, передавая ему привет от Волги.

Можно было бы долго рассказывать о том, как продуманно с художественной точки зрения строились древнерусские города. До сих пор следы этой продуманности видны в Новгороде-Северском, в Путивле, в Ярославле, во Владимире. В отличие от Новгорода

они строились на высоком берегу реки, и прямо из центра города открывался вид на заливные луга. Это была ландшафтная связь с природой. А как строились монастыри или небольшие городки типа Плеса на Волге!

И вот к чему я клоню. Нынешние градостроители, прежде чем заниматься составлением генеральных планов развития исторических городов, обязаны прожить в этих городах достаточно долго, изучить их историю, их эстетическую сторону. В исторических городах должны быть созданы художественные советы из художников, педагогов, музейных работников, местной общественности. Задача этих советов — изучать художественные особенности своих городов, выпускать труды, публиковать статьи в местной прессе. Пусть эти работы будут казаться в какой-то своей части субъективными: уверен, что ошибок и расхождений в оценке красоты своих городов будет меньше, чем у составителей «генеральных планов».

Задача таких художественных советов состоит не столько в сохранении отдельных зданий, сколько в сохранении *облика городов*. Ведь здания, построенные в разные времена, очень часто хорошо сочетаются друг с другом. Есть стили «социальные» и «антисоциальные». Допустим, здание в эклектическом стиле может отлично сочетаться с храмом XVII или XVI века. Эклектика (стиль выборочно бравший, выбиравший, отсюда и название стиля) «социален» по своей природе, то есть он сочетается со зданиями других эпох. То же можно сказать о скромных зданиях XIX и XVIII веков. Они составляют средостение между пышными церквями XVI и XVII веков и строениями современного интернационального, денационализированного стиля второй половины XX века. Но все это должны оценить художественные советы, чтобы сохранить не только красоту отдельных строений, но весь район или весь город как единое самостоятельное художественное целое.

Сразу после Великой Отечественной войны, в 50—60-х годах, я часто выступал в печати со статьями в защиту исторической красоты Новгорода. И с гордостью должен сказать, что хотя в те времена аргументировать в пользу сохранения городов было трудно (обычное возражение — «людям негде жить» — сильно действовало), тем не менее под влиянием моих статей удалось сохранить земляной вал, по которому проектировали провести объездную дорогу, сохранить от застройки Красное поле и район между Новгородом и Аркажами. Строительство удалось направить по шоссе в сторону Петербурга, где порча города была бы менее заметна. Удалось добиться переноса моста ниже по течению Волхова, сохранив Кремль с его бесценными музеями от превращения его в проходной двор. И т.д.

Но вот новая угроза нависла над Новгородом. Вот письмо местных жителей Новгорода в защиту их родного города от некомпетентного вмешательства петербургских проектировщиков. Если бы только их письмо дошло до новгородского руководства. Если бы только художественные советы были созданы в других наших чудных русских городах, Если бы художественные советы, охрана памятников были выведены из подчинения главным архитекторам и были бы подлинными и независимыми органами общественности.

В защиту древнего Новгорода!

Средства массовой информации — газеты, журналы, телевидение и радиовещание — в условиях гласности и демократизации нашего общества почти ежедневно сообщают о крайне неблагоприятном состоянии, в котором находятся памятники национального прошлого. При этом все чаще речь заходит уже не об отдельных памятниках, а о целых городах и районах. Особенно тревожное положение сложилось в Новгороде. Недавно Новгороду исполнилось 1125 лет. Но торжественная дата никак не соответствует виду как самого города, так и памятников новгородской архитектуры, живописи и природы. Более того, есть все основания думать, что мы стоим на пороге дальнейшей порчи города,

сохраняющихся в нем произведений искусства, изумительных по красоте пригородных пейзажей...

Разработанный и находящийся теперь в стадии утверждения генеральный план развития Новгорода до 2005 года предусматривает не сокращение, а расширение промышленных районов, которые уже сейчас в процентном соотношении равны жилым зонам, и зонам отдыха и туризма. Непродуманное, недальновидное планирование хозяйственной деятельности в Новгороде оказывает разрушительное воздействие на все виды исторических ценностей древнейшего русского города, которые по праву входят в сокровищницу отечественной и мировой культуры.

Обсуждение упомянутого плана в Министерстве культуры РСФСР показало поразительное равнодушие официальных властей города к судьбе его исторического облика. Да и сами планировщики скорее приспособливают историческое ядро Новгорода к новому городу, а не новый, растущий город к древнему, что было бы здесь естественно так же, как это делается, скажем, в Суздале. Преданы забвению основные положения первого послевоенного генерального плана, разработанного академиком А.В. Щусевым в 1945 году. Научная общественность, представители которой были приглашены на обсуждение в Министерство культуры РСФСР, высказались, в частности, против постройки железобетонного пешеходного моста через Волхов в центральной части города. Речь шла о крупном инженерном сооружении, которое не может не испортить всей панорамы Новгорода.

Исторический центр Новгорода разделен на две равные половины рекой Волхов: на левом берегу находится кремль с Софийским собором XI века, на правом — Торговая сторона с вечевой площадью и соборами XII—XVI веков. Деление города, впрочем, относительное, условное, поскольку с древнейших времен обе его половины соединялись мостом. Первое летописное известие о Великом мосте через Волхов относится к 1138 году, когда он был поставлен взамен обветшавшего старого, из чего нетрудно сделать вывод, что мост существовал и в XI столетии. И какой мост! Это была едва ли не самая оживленная улица города. Мост неоднократно горел, его сносили полая вода и ледоходы. Его множество раз разбирали во время социальных распри Торговой стороны с Софийской стороной. Здесь собирались вечевые собрания, происходили публичные казни и дипломатические встречи. Без всякого преувеличения можно сказать, что история Великого моста — это история самого Великого Новгорода. Вот почему проектировать и строить новый мост через Волхов следовало бы с величайшей осторожностью, с оглядкой на прошлое, предусматривая по возможности наиболее полное соответствие его форм старому мосту. Ведь речь идет по существу о реконструкции одного из древнейших исторических памятников Новгорода!

Деревянный мост через Волхов просуществовал вплоть до начала XIX века, когда городу понадобилась более удобная транспортная магистраль, которая функционировала бы независимо от разливов реки и напивавших со стороны Ильменского озера льдов. Так в 1820-х годах возник первый полукаменный-полудеревянный мост, повторявший своими очертаниями все ранее бывшие мосты. Маломощный, он продержался около восьмидесяти лет, пока петербургские инженеры не возвели в 1902 году куда более монументальное сооружение, железные фермы которого поднялись почти до куполов поблизости стоящего Софийского собора. Знарок истории города, горячий защитник его старины А.И. Анисимов оценил это творение нового века как «полуазиатское-полуевропейское чудовище», испоганившее самое сердце древнего Новгорода. В годы второй мировой войны мост был взорван, а в 1954 году новый транспортный мост был разумно поставлен в стороне от кремля. Не обладая никакими архитектурными достоинствами, он исправно несет свою нелегкую службу до сих пор. Но городу нужен еще один, пешеходный мост. Требуется он и постоянно нарастающему туристическому потоку. Так возникла мысль о восстановлении старого моста, который напрямую соединил бы кремль и Ярославово

дворище на Торговой стороне. Можно было бы приветствовать это решение, если бы новый мост строился горизонтальным на уровне тех каменных устоев, которые сохранялись по обоим берегам Волхова от моста XIX и XX веков. Ссылаясь, однако, на то, что Волхов при большой воде судоходен и по нему плавают мелкие суда местного назначения и один весьма скромных размеров пароходик, соединяющий центр города с близлежащим Юрьевым монастырем, проектировщики предложили выстроить дугообразный железный мост. Проверочные построения, основанные на теодолитных съемках, выполненных Центральным научно-исследовательским институтом градостроительства и Московским архитектурным институтом, показывают, что стрела его подъема почти равна высоте древних стен кремля. Конкурс на постройку нового моста не проводился. Предложение построить низкий горизонтальный разводной мост, исходивший от лиц, заинтересованных в сохранении исторического облика города, было отклонено на том основании, что разводные мосты нигде, кроме Петербурга, теперь не строят, а если сооружать его в Новгороде, он будет стоить дорого. Как будто не дорог сам Новгород! Не подумали даже о том, что, например, в Голландии разводные мосты — простейшие явления, и они пропускают суда по обычному дорожному светофору. Споры о новом мосте продолжались много лет, но ни разу он не сделался предметом широкого обсуждения.

Подлинным бедствием для Новгорода является прогрессирующая утрата исторических ландшафтов в черте самого города и в его ближайших окрестностях. Московское шоссе к востоку от древних городских валов еще в 1950-х годах перерезало низменную местность мощной насыпной дамбой, на которой еще совсем недавно возникла автозаправочная станция. При строительстве дороги был засыпан исторический Федоровский ручей, память о котором осталась лишь в названии церкви Феодора Стратилата «на ручью». Обочины московского шоссе застраиваются неказистыми хозяйственными зданиями. А ведь еще на нашей памяти отсюда открывался изумительный по красоте вид в сторону церкви Рождества на поле, Волотова и Ковалева — с бесконечными стожками собранного сена на заливных лугах. В пригородной деревне Волотово, одном из самых поэтических мест под Новгородом, где до войны стояла и, несомненно, будет восстановлена церковь XIV века, всюду разрастается новое городское кладбище, а напротив расположенная церковь Спаса на Ковалева для удобства туристов соединена с московским шоссе насыпной дамбой.

Еще более удручающим является пренебрежение местных властей к единственному в своем роде историческому ландшафту к югу от города, где находятся Юрьев монастырь, Перынь, Спас-Нередица, Благовещение на Городище и Липна. До 1916 года вид в сторону Ильменского озера сохранялся точно таким, каким он был сотни лет назад. Начавшееся без согласования с местными деятелями культуры строительство поблизости от Нередицы железной дороги вызвало в 1916 и 1917 годах многомесячную полемику в газетах и журналах. Вся передовая печать выступила тогда в защиту Новгорода от посягательства проектировщиков, за отмену южного варианта и за перенос новостроящегося железнодорожного полотна к северу от города. Но совет министров царской России утвердил уже осуществлявшийся проект с оговоркой, что после окончания войны новгородский участок дороги Нарва — Валдай будет изменен на северный вариант. В условиях поражения России в первой мировой войне и начавшейся затем революции дорога не была закончена, но памятником этого преступного проекта являются монументальные железобетонные опоры для железнодорожного моста и песчаная насыпь в непосредственной близости от Нередицы. Дамба пересекла речку Нередицу и низину на противоположном берегу Волхова, что вызвало стремительное заболачивание местности и последующую порчу нередицких фресок XII века. Казалось бы, исторический опыт должен был подсказать самое бережное отношение города к окружающим его природным ландшафтам и к его южным окрестностям в частности, где все находится в естественном

равновесии и не терпит грубого вмешательства человека. Но нет! У подножия одной из опор построена безликая водокачка, а к ней протянута железнодорожная ветка. На западном берегу Волхова, напротив церкви Петра и Павла XII века, возникли производственные постройки, а на восточном берегу — скучнейшая туристическая гостиница. Недавно в печати промелькнуло сообщение, что возможен проект возобновления железнодорожного полотна и строительство моста на существующих опорах около Нередицы. В таком случае Новгород навсегда лишится остатков своей былой славы города-памятника: его исторический центр будет наглухо изолирован от окрестностей и будет существовать в кольце железобетонных мостов и дамб. Необходимо тщательно изучить гидрологическую обстановку в городе и пригородах, строить не дамбы, а эстакады, чтобы не нарушать сложившееся равновесие водного бассейна. Пока не поздно, следует разобрать опоры 1916 года, снести полуразмытую насыпь около Нередицы, восстановить русло реки Нередицы, демонтировать водокачку, убрать свалки и хозяйственные постройки на западном берегу Волхова, запретить всякое строительство к югу от Ярославова дворища на Торговой стороне и к югу и юго-западу от кремля на Софийской стороне (где предполагается новый микрорайон с 5-ти и 9-этажными панельными домами). Иными словами, сделать все возможное для сохранения историко-художественного ландшафта в южной оконечности города. Сделать это необходимо, иначе, как было заявлено Новгородским обществом любителей древностей еще в 1916 году, «Русская земля лишится одного из самых замечательных видов своих, с которыми могут сравниться только виды с набережной Невы на Зимний дворец, Петропавловскую крепость и Биржу, виды из Замоскворечья на Москву-реку с Кремлем и храмом Василия Блаженного и на Днепр от памятника св. Владимиру в Киеве, то есть такие исключительные по своей цельности сочетания природы и культуры, которые характеризуют собою целые эпохи в истории народа и которые надлежит оберегать как самые дорогие национальные памятники»,

Сохранение исторических ландшафтов — одна из задач всеобщего, всенародного дела охраны памятников. И одна из наиболее осуществимых, поскольку для этого требуется только одно: оградить подобные ландшафты от бездумной, близорукой застройки...

Медленно и неуклонно теряется замечательная первозданность Ферапонтова, давно требующего создания здесь обширного архитектурно-художественного и природного заповедника. Нельзя допустить и окончательной порчи новгородских ландшафтов.

Сохранение подобных исторических зон — не прихоть чудаков, желающих приостановить ход истории, а настоятельная необходимость, наша национальная задача. Выдающийся педагог К.Д. Ушинский высказал в свое время очень простую и правильную мысль: «Я вынес, — говорил он, — из впечатлений моей жизни глубокое убеждение, что прекрасный ландшафт имеет такое огромное воспитательное влияние на развитие молодой души, с которым трудно соперничать влиянию педагога». А другой великий русский человек, Петр Ильич Чайковский, сказал так: «Восторги от созерцания природы выше, чем от искусства». Природа беззащитна, и уродовать ее так же безнравственно и преступно, как избивать ребенка или старика. Если в нас еще сохраняется совесть и чувство национального достоинства, если мы не на словах, а на деле любим свою Родину, нужно принимать немедленные меры против тех, кто уничтожает лучшее из созданий нашего мира — природу, и один из самых величественных памятников отечественной и мировой культуры — Великий Новгород.

На этом кончается длинное письмо новгородцев. Хотя оно длинное и написано не сегодня, о нем не следует забывать. Многие проблемы остались теми же или будут вновь и вновь возникать со сменой руководителей. Соблазн забывать ошибки и повторять их вновь и вновь в почти неизменном виде всегда очень велик. У ошибок тоже есть «традиция». Есть свои «традиции» и у простого невежества.

Мне пришлось говорить на Ярославщине со многими руководителями местных отделов культуры. Однако искренней заинтересованности в судьбе обременительного, хотя и славного наследства, которое досталось Ярославщине от прошлого, я не встретил почти ни у кого.

Товарищ из областного отдела культуры жалобно сказал:

— К глубокому сожалению, время сохранило на Ярославщине очень мало памятников гражданской архитектуры...

Можно очень многое возразить этому товарищу. Можно отослать его к популярным изданиям по истории древнего ярославского искусства, где он почерпнет несколько азбучных истин. Но еще уместнее припомнить в связи с этим блестящее высказывание покойного польского юмориста о том, что людям, не имеющим отношения к искусству, лучше не иметь к нему отношения. Однако этот товарищ имеет. И самое непосредственное. И другие, ему подобные, тоже имеют. Один из них вынашивает идею о том, чтобы снести как можно больше ярославских памятников, а потом все средства бросить на какой-нибудь один. Другой с облегчением сказал мне, что Рыбинское море затопило, к счастью, очень много церквей: «И так у нас в области больше, чем в других областях. Стыдно перед товарищами». Третий сказал раздумчиво, когда мы проезжали с ним в автобусе мимо церкви в селе Крест:

— Эту мы скоро снесем. И построим тут небоскреб, восьмиэтажный дом.

Здесь добавлю только, что церковь эта в десятке километров от Ярославля, кругом полно пустырей, и кому там нужен первый ярославский небоскреб, да еще на месте старинного храма, — это уж и совсем понять невозможно.

В начале прошлого века Бетанкур предложил разобрать ростовский кремль и построить из этого кирпича гостиный двор в Ростове. Последняя книжка о Ростове, как и прежние издания, заслуженно клеймя этого человека с нерусской фамилией, замечает, что он «не оценил национальной красоты ансамбля». Наверняка не оценил. Однако потом было много других людей с исконно русскими фамилиями, которые разбирали древние угличские и переславские храмы... Эти люди, не понимавшие ни искусства, ни традиций, громили древние здания в Ростове, Великом Устюге, Ярославле. Они всегда ссылались на насущные задачи, на текущий момент и потребности настоящего, иногда даже будущего. Это их имел в виду Пушкин, говоря: «Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим».

В ряде исторических древнерусских городов явно стремление новых градостроителей заслонить современными домами старые церкви. Таковы «градостроительные лицемерия» в Пскове, где «спрятана» церковь Сергия с Залужья, в Нижнем, где застройка по гребню горы стремится заслонить церкви, в Астрахани, где совершенно очевидна попытка заслонить вид с Волги на древний кремль и его изумительный Успенский собор с помощью гостиницы «Лотос» и других «коробок».

Однако эффект достигается этим совершенно обратный: древняя красота оказывается противопоставленной современному безобразию (безобразности), и вместо того чтобы заставить жителей и посетителей городов забыть о старой красоте, они вызывают сильнейшую по ней ностальгию. Даже разрушенные здания все же стоят призраками красоты перед нашими современниками, все более интересующимися прошлым. Их изображения смотрят на нас в историях искусства, со старых картин, с открыток. Они остались в памяти старых людей.

М.П. Погодин где-то сказал: «Город есть книга, в коей всякая улица занимает страницу. Будем прибавлять новые листы, но не станем вырывать старых».

Развитие культуры, особенно в провинции, должно происходить в особом экономическом режиме. Оно не может существовать, и нигде в мире не существует, за счет собственных средств. Доход от культуры не прямой. Но доход этот очень велик и сказывается во всех сферах жизни народа: культура упорядочивает жизнь, снижает процессы, ведущие к

хаосу, поднимает уровень духовной и экономической жизни. Культура ведет к тому, что жизнь народа становится самоорганизующейся.

Многие твердят: «сперва накормить народ, а потом уже заботиться о культуре». Отсюда — «остаточный принцип» в наших отношениях к культуре. Культура у нас на самом последнем месте во всех заботах и финансовых ассигнованиях. Но ведь от нашей внутренней культуры зависит и экономика, и техника, и наука. Культура и экономика взаимозависимы. Ни о чем не следует забывать. Элементарная честность населения — предпосылка развития экономики. Нам очень повредила вульгарно понимаемая формула — «бытие определяет сознание». В очень многих конкретных случаях именно *сознание необходимости перемен влечет за собой перемены в бытии* народа. Никакие экономические законы в обществе не действуют, если нет культуры общения. Техника требует интуиции, интуиция же создается культурой изобретателя, проектировщика. Оставим заботе министерства просвещения подъем преподавания гуманитарных дисциплин: истории, литературы, языка, музыки (хотя бы пения), рисования, логики и пр. Оставим также заботе министерства культуры чрезвычайно важное сейчас спасение наших гибнущих библиотек, архивов, музеев, памятников истории и культуры, Дело общественности создавать общества коллекционеров, любителей того или иного искусства или ремесла, общества друзей музеев, старых садов и усадебных парков (кстати, в США есть общество друзей Павловского парка; в Павловске и Петербурге такого нет!), ассоциации краеведов для воспитания *духовной оседлости*, привязанности к своим местам и т.д.

Перед общественными организациями, занимающимися проблемами подъема культуры в нашем обществе, два направления деятельности. Одно как бы местное, в котором скрыто всеобщее, другое — всеобщее, в котором заложено и местное.

По первому направлению следует развивать духовную оседлость людей, их привязанность и уважение к своей местности и к своей стране. Здесь важна деятельность самых разнообразных краеведческих организаций по всей России. Не надо стесняться и унифицировать деятельность в этом отношении общественности. Многое зависит от особенностей местности, в которой они существуют. Одни общества и кружки пусть занимаются деревянным зодчеством, которым славен их город или село. Другие общества возродят традиционные для их местности промыслы. Третьи должны работать над созданием истории своего края. Важно, чтобы краеведение стало любимым занятием местного населения, чтобы краеведческие учреждения собирали местную интеллигенцию на доклады, организовывали экскурсии и концерты. Вокруг местных музеев должны организовываться кружки «друзей музея». Мне кажется, было бы очень важно организовывать ассоциации «друзей реки», на которой расположен город. Ведь река — святое место для многих русских и нерусских городов. Забота о чистоте реки, красоте ее берегов — должна быть главной заботой любого города на реке.

Второе направление деятельности общественных организаций культуры, — возрождение интереса к классике. Необходимо создание по всей стране отделений, филиалов, даже просто групп общества «Классика». Их деятельность может быть чрезвычайно разнообразна: от изучения классических языков (латинского, греческого, церковнославянского, арабского) до создания хоров подлинной народной песни. Именно подлинной, т.е. той, что проверена поколениями наших предков.

Музеи, как воспитательные учреждения, должны быть бесплатными для молодежи (это делается во всех странах), на концерты классической музыки учащиеся также должны приобретать либо бесплатные билеты, либо билеты по сниженным ценам. Культура не может быть на безоговорочном хозрасчете. Ее «отдача» поступает не сразу.

Чтобы движение за подъем культуры в нашей стране имело осязаемый успех, оно должно широко обсуждаться и освещаться в печати. Государство обязано выработать концепцию развития культуры в нашей стране и подвергнуть ее широкому обсуждению.

В связи с вопросом о преимуществах гуманитарных знаний над знаниями техническими или почерпнутыми из области естественных наук стоит вопрос и о том, чему отдать предпочтение в средней школе — воспитанию или образованию. До последнего времени школа у нас была не воспитывающей, а обучающей. Поэтому так важен был вопрос и о ранней специализации. Но специальности в жизни меняются сейчас очень быстро — возникают новые и исчезают старые. Средняя школа должна воспитывать человека, способного осваивать новую профессию, быть достаточно способным к различным профессиям и быть прежде всего нравственным. Ибо нравственная основа — это главное, что определяет жизнеспособность общества: экономическую, государственную, творческую. Без нравственной основы не действуют законы экономики и государства, не выполняются указы, невозможно прекратить коррупцию, взяточничество, любое жульничество. Без нравственности невозможно и развитие любой науки, ибо крайне трудно проверить эксперименты, вычисления, ссылки на источники и пр. Воспитывают же людей: напрямую — религия, а более сложным путем — музыка (особенно, я бы сказал, хоровое пение), литература, искусство, изучение логики, психологии, изучение языков (даже если их в будущем не придется применять в жизни).

В сообществе с гуманитарными знаниями воспитывают учащегося и знания технико-естественные. Математика развивает мышление и интуицию, естествоведение — нравственное отношение к природе (экология только тогда действительна, когда она идет рука об руку и с моральным развитием человечества), ручной труд (в нем также имеется своя моральная основа) — воспитание трудолюбия; впрочем, трудолюбие развивается любым школьным предметом при правильном его преподавании). Одним словом, воспитание в школе должно основываться на взвешенном и продуманном отношении между гуманитарными знаниями и знаниями естественно-техническими при преобладании, конечно, как явствует из вышесказанного, гуманитарных.

Что же представляет собой та нравственность, которая должна лежать в основе воспитания и которой учат нас гуманитарные дисциплины? Ответ на этот вопрос не может быть дан даже в очень обобщенном виде в короткой главе. Но одно следует подчеркнуть: нравственность едина для всего человечества. Она не может различаться по классам, сословиям и нациям. То, что нравственно для одного народа, нравственно и для другого. Когда говорят — «это мораль коммунальной кухни», «мораль капиталистов», «мораль пещерного человека», то в этом случае только иронизируют. Ирония звучит или скрыта в словах «социалистическая мораль», «мораль сверхчеловека».

Можно наметить два источника средств на культуру. Первый — это меценатство больших предприятий и торговых организаций над школами, высшими учебными заведениями, музеями, библиотеками, архивами, даже садами и парками. Ведь в конце концов от культурного уровня работающих зависят и успехи их собственной работы, качество продукции — к какой бы категории она ни относилась.

В самом деле, почему Нижегородскому автомобильному заводу не взять под опеку Макарьевский монастырь {Макарьевский монастырь основан в 1435 Макарием Желтоводским с целью обращения чувашей и мордвы. В 1439 обитель была сожжена татарами с запретом на восстановление. В 1620 монастырь возобновлен.}, который когда-то был самым крупным центром торговли между Востоком и Западом и расположен в одном из красивейших мест Волги? Ведь в конце концов можно было бы часть потраченных предприятиями средств засчитывать за налоги, как это делается повсюду в мире.

Второй источник средств — армия. Армия могла бы не только помогать учреждениям культуры, передать часть своих помещений библиотекам и архивам, которые задыхаются сейчас в тесноте и втайне уничтожают часть своих фондов, чтобы принимать новые поступления. Армия могла бы взять на себя заботу по обучению военнослужащих полезным профессиям, в которых так нуждается страна, — от плотников, печников,

кровельщиков, трактористов до компьютерщиков и научных работников. И тогда не было бы разрывов между гражданской службой и службой в армии, которая во многих случаях ведет к личным трагедиям. Наконец, почему военнослужащим не заниматься в немногие часы, предоставляемые им для отдыха, честными заработками? Ведь занимались же в Петербурге дворцовые гренадеры сапожничьим делом, а матросы Гвардейского флотского экипажа починкой плетеных стульев. Сочетание военной службы с занятием доходным ремеслом, например переплетным, ювелирным, столярным, электротехническим и пр., намного бы оздоровило атмосферу в армии, укрепило бы связи военнослужащих с соседними жителями, подготовило бы их к будущей жизни в гражданском обществе, дало бы многим из них в руки полезные профессии.

В отличие от программ по экономике и технике программа по развитию культуры должна быть, конечно, более долгосрочной. Она не только не может ограничиваться «500 днями» или «500 неделями»: она должна быть постоянной... И, конечно, она не должна быть идеологизированной. Единственным «идеологическим» требованием к культуре должна быть свобода. Ибо нельзя сказать, какие мировоззренческие концепции явятся в будущем. Заключение культуры в рамки идеологических требований неизбежно будет держать культуру в рамках застоя. Между тем, чем многообразнее будут наши театральные, музыкальные, живописные, литературные концепции, тем активнее будет совершаться движение культуры, тем более высоким требованиям она будет отвечать. Соперничество в культуре необходимо. Ни один из творческих союзов: писательских, театральных, кинематографических, живописных — не может претендовать на монополию творческих принципов, на монополию оценок. И в этом отношении полезно было бы ограничить власть почетных званий и наград.

И, наконец, последнее, наболевшее, о котором необходимо сказать, потребовав решительных и скорейших мер, пока еще не поздно.

Необходимы законы о сохранении памятников культуры, музейных ценностей, библиотечных фондов, архивных и археологических, находящихся еще в земле. Должна быть разработана система действенных мер с определенной системой наказания за нарушение этих законов.

Наказания необходимы, но в еще большей мере необходимы поощрения и они могут быть различного характера. Создание новых музеев и библиотек, доступность их для всех жителей, а особенно для молодежи, развитие туризма по местам культурно значительным — все это требует государственной организации, общественной заботы и внимания министерств культуры, которые сейчас, к сожалению, слишком сужены проблемами театров, кинематографии и эстрады.

Будем понимать всю сложность вопросов, которые должны быть введены в круг наших забот, и ни в коем случае не упускать их из поля зрения. Государственная программа развития культуры не может быть решена за короткий срок. К тому же она должна быть гибкой и постоянно корректироваться в связи с неизменно возникающими новыми заботами.